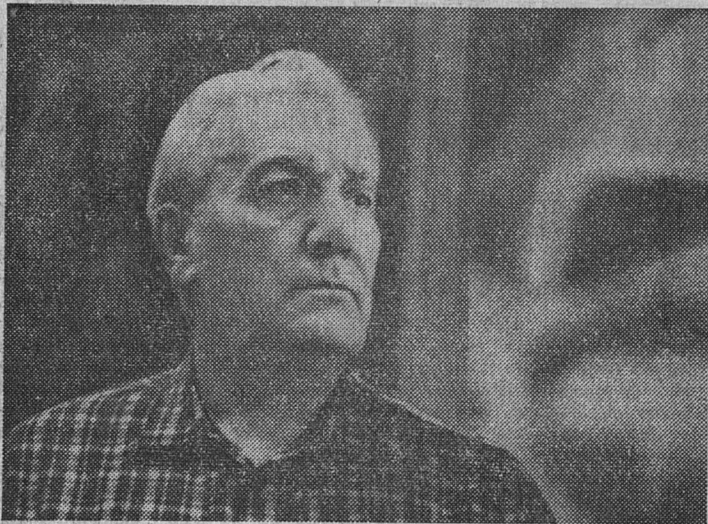

УЛИЦА НИКОЛАЯ СИМОНОВА

М А С Т Е Р А К У Л Ь Т У Р Ы

театральная печать заговорила, ссылаясь на опыт Симонова, о «стирании граней между театрами периферии и столицы».

Грани эти действительно стирались, исчезали в талантливых, интересных постановках провинциального театра, возглавляемого Николаем Симоновым. Захватывал он смело, увлеченностью своих театральных мечтаний, зажигающей страстью их осуществления. Ему все казалось по силам, по плечу — волжская широта, отважность и удаль жили в складе его характера... Как-то вспоминая Самару, Чапаева, он признался: «Мы жили с ним на одной улице». В жизни, в искусстве Симонов действительно жил на одной «улице» с героями нашего времени, настоящими людьми.

Ему близок и дорог был Горький. Помнится, как смело и умно, с горячим публицистическим темпераментом ставил он «Егора Булычова...» с Ю. Толубеевым в заглавной роли и с В. Меркурьевым в роли Павлина. А потом шла «Смерть Пазухина» Салтыкова-Щедрина. В ней тоже все достигало высокого предела — и сила сатирического обличения, и острота язвительного гротеска, и многокрасочная живописная щедрость.

Вместе с поставленными Симоновым спектаклями, конечно же, помнятся и сыгран-

ные им роли. Их, как и спектаклей, было немало, но главными можно назвать две: Григорий Гай в погодинском «Моем друге» и комиссар бронепоезда Лосенко в пьесе И. Прута.

Романтическая одержимость великим делом, жизнелюбие и жизнестойкость, размах, дерзновенность и неукротимость характера начальника огромной новостройки Гая казались удивительно сродни актеру, они жили словно заодно. И сколько чудесного, покоряющего обаяния было в доброй, открытой улыбке Гая, улыбке Симонова. «Я жив, друзья мои, я жив!» — говорил, заразительно улыбаясь зрительному залу, не сдающийся начальник строительства. И, любясь им, артист, казалось, порывался горделиво сказать в этот миг слова не по роли: «Смотрите, друзья мои, какие люди стоят рядом с нами!»

И вторая роль. В сильном, героическом, мужественном характере комиссара Лосенко, избавленном от приторной спенической красоты, покоряла накаленная сдержанность чувств, предвещающая взрывной темперамент.

Артист жил всей полнотой жизни своих героев — среди них помнятся еще шахтер Гнат Орда, партийный работник Михайлов, академик Беклемишев — и в этой большой жизни на сцене все сильнее,

ярче проступали черты личности самого артиста. Он был достойным гражданином родного города, достойным его тружеником. И в городе гордились им...

В новогодний вечер, в самый канун встречи второй пятилетки, на городском слете ударников социалистического строительства имя Николая Симонова было названо городом в ряду славных имен героев труда.

Вот этот, уже сорокалетней давности новогодний вечер и вспомнился, когда в день семидесятилетия артиста ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Короткий, но блистательный «самарский период» в творческой биографии Николая Симонова видится сегодня как предельно напряженное, увлеченное время ответственной предстартовой подготовки к большому полету.

И вот уже вскоре артисту горячо заплотировали миллионы зрителей. На экранах страны Николай Симонов появился в роли Петра Первого, в которой словно прорвалась мощная стихия неповторимого симоновского дарования. Тогда, в тридцатые годы, кинофильм «Петр I» принес Симонову мировую известность.

И с той давней поры вот уже сорок лет жизнь артиста неотделима от Ленинградского

академического театра драмы имени Пушкина. На его сцене одно десятилетие этой полнокровной жизни сменяло другое, но неуязвимым оставалось и остается жизнелюбивое искусство Симонова. Он обладает даром эстетического, художественного, нравственного обогащения прежних представлений зрителя о широко известных сценических персонажах.

После встречи с героями Симонова зритель во многом по-новому постигает сущность характера пушкинского Сальери, толстовского Федора Протасова, горьковского Сатина, гауптмана Маттиаса Клаузена. Об этих ролях много уже написано. Они принадлежат к вершинам актерского мастерства, отмечены глубиной мудрого проникновения в духовный мир человека, красотой и силой художественных обобщений. В этих по-настоящему больших ролях своего репертуара Николай Симонов поднимается во весь рост как выдающийся трагический актер нашего времени.

Античная маска трагического артиста изображала его с лицом, искаженным гримасой страдания. Эта маска не для Симонова. Трагедия безысходного, горестного страдания он противопоставляет трагедию прозрения, трагедию преодоления горя, утверждающую силу человеческого духа. Из

круга обреченности он выводит трагедию на свет.

Искусство Симонова может показаться кому-то несколько старомодным. В действительности же кажущаяся эта «старомодность» говорит о глубочайшей и неизменной приверженности артиста лучшим реалистическим традициям русской сценической школы. Эти живые традиции оваяны у Симонова свежим дыханием времени.

Трагическое в его творчестве озарено романтическим восприятием действительности. Светлая мелодия всегда слышится в музыке искусства Симонова. Оно впитывает в себя животворную силу нашего советского гуманизма. Это доброе искусство, оно целиком обращено к людям. И в трагедии, в какие-то ее мгновения не оставляет зрителя обаяние чудесной улыбки Симонова. Этой улыбкой жизнелюбия, вспыхнувшей при давней встрече с Григорием Гаем, озарен весь путь актера.

Помнится, тогда, в самом начале пути, он сдержанно говорил о себе:

— Мало сделано... Только еще начинает что-то получаться...

Благородная скромность, как и благородная простота, — сестра его таланта.

Н. АБАЛКИН.

Фото Д. Мовшина.